

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЛИВИЮ 2011 г.)

Согласно определению, гуманитарная интервенция или гуманитарная война – вооруженное вторжение на территорию иностранного государства для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения. Но, при этом, перед крупными государствами, которые являются ведущими акторами международных отношений и имеют значительные интересы за пределами своих территорий, встает дилемма: стоит ли применять силу для разрешения внутренних проблем суверенного государства и тем самым приобретать зыбкий с юридической точки зрения статус интервента или действовать с позиции норм международного права и тем самым дать зеленый свет тем процессам, которые могут привести к весьма негативным последствиям.

Очевидно, что поддержка населения в случае применения силового метода решения подобных вопросов международной политики, которые к тому же относятся во многом к сфере этики, является необходимой для придания государственной позиции моральной силы. Основным инструментом для обеспечения этой поддержки являются СМИ. Вследствие этого можно заметить значительные несоответствия освещения подобных проблем в прессе стран, чьи правительства занимают различные позиции. Соответственно, анализ материалов прессы различных стран может дать хотя бы частичное представление о масштабах и путях воздействия государства на общественное мнение. В то же время это позволяет проследить взаимозависимость внутренней и внешней политики государства, отражение позиции общества отдельно взятой страны в ее внешнеполитическом курсе.

С целью исследования освещения в СМИ актов гуманитарного вмешательства в качестве наиболее актуального и злободневного примера была выбрана продолжающаяся по настоящий момент гуманитарная интервенция, начатая странами НАТО и ЛАГ в Ливии. Был рассмотрен ряд публикаций крупных информационных изданий ведущих западных государств за период от принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 1973 об установлении бесполетной зоны над Ливией 17 марта 2011 г. до начала мая того же года. Основным материалом для анализа послужили

статьи из газет The New York Times (США) и Le Monde (Франция), журнала Der Spiegel (Германия), сообщения информационного агентства BBC (Англия); кроме того, рассматривались отдельные публикации из изданий Le Figaro (Франция), Foreign Policy и Washington Post (США), The Economist и The Guardian (Англия) и др. Для анализа альтернативной позиции по вопросу интервенции были взяты российские газеты («Российская газета», «Российские вести») и оппозиционные издания западных государств (американская Black Star News, французская Agora Vox). Данное исследование позволило нам составить представление о применяемых методах и средствах подачи фактического материала с целью обоснования своих действий перед собственным населением и мировой общественностью.

На основе различий в освещении событий в Ливии была произведена оценка подачи материала в каждой отдельно взятой стране в зависимости от ее отношения к текущему положению дел в Ливии.

В качестве примера американской прессы был взят один из крупнейших информационных источников США «NY Times». Было рассмотрено около 80 непосредственно касавшихся интервенции статей и около 150 публикаций, имевших к ней косвенное отношение (исторические справки о режиме Каддафи, материалы об экономических последствиях интервенции для США, ее влиянии на политическую ситуацию в Европе и т. д.).

Первое, что бросается в глаза, это частое упоминание о том, что США не являются инициатором операции «Рассвет Одиссея» и на первых порах играли роль главной силы интервенции только из-за наличия у них достаточных для этого сил и средств. Постоянно подчеркивается различие между внешнеполитическими акциями США такого рода в прошедшем десятилетии и этой операцией: если ранее (как, например, в Ираке) США действовали главным образом исходя из собственных интересов, практически не считаясь с мнением мирового сообщества, то сейчас они действуют в строгом соответствии с нормами международного права и на основании резолюции Совета Безопасности ООН. Более того, как подчеркивается в некоторых статьях, США никоим образом не играют ведущей роли в сложившейся коалиции, а выступают лишь в качестве одного из ее участников. Также подчеркивается, что участие в этой операции не является возвратом к чересчур агрессивному, по многим оценкам, внешнеполитическому курсу администрации Дж. Буша-младшего.

С другой стороны, даже в этом американском источнике, близком к официальным кругам, высказывается мнение, что эта акция является переломным моментом для президента Обамы, победу которому на выборах во многом обеспечила кампания, одним из ключевых моментов которой был отказ от вооруженного вмешательства в дела других государств: если за ввод войск в Афганистан и Ирак нынешний президент ответственности не несет, то решение участвовать в интервенции в Ливии он принял сам, не вынося этот вопрос на обсуждение в Конгресс и, тем самым, разрушая свой имидж «миротворца». Но в целом данный акт оправдывается необходимостью защиты граждан Ливии от непроверенных действий со стороны их собственного правительства.

Характеристика повстанцев в американских источниках, как это ни странно на первый взгляд, также носит достаточно негативную окраску, в основном в контексте их невысокой боеспособности и, следовательно, небольших шансов на победу над режимом Каддафи. Несмотря на то, что большое внимание уделялось факту перехода правительственных войск на сторону оппозиции, подчеркивается отсутствие у них какой-либо выучки, недостаток снаряжения (в том числе почти полное отсутствие тяжелого вооружения, без которого невозможно представить ни один современный конфликт) и даже низкий боевой дух: описываются случаи бегства с поля боя и в целом халатное отношение к ведению боевых действий. Вполне возможно, что таким образом подчеркивается неспособность самих ливийских граждан обеспечить свою безопасность, и тем самым обосновывается еще один аргумент в пользу продолжения интервенции. Кроме того, даже некоторые источники, поддерживающие правительственную линию (в том числе NY Times, Washington Post, The Guardian), выражают сомнения относительно долгосрочных перспектив отношений западных государств с повстанцами: упоминается возможность проникновения в их среду представителей радикальных исламистских группировок.

Большое внимание уделяется вызванными фактом интервенции политическим разногласиям между членами ЕС. В основном подчеркивается проведение Германией самостоятельного политического курса по этому вопросу, идущего вразрез с курсом ее союзников. Допускаются даже некоторые упреки в адрес Германии из-за того, что она не поддержала своих давних партнеров, и в этой кризисной ситуации практически присоединилась к оп-

позиционной ЕС и США, как ее описывают американские издания, группе БРИК.

При рассмотрении позиции Великобритании использовался крупнейший информационный источник «ВВС». Примечателен тот факт, что англичане всячески стараются подчеркнуть пассивную роль США в конфликте, тем самым акцентируя внимание мировой общественности на доминирующей роли англо-французского блока в этой операции. В ряде статей упоминается о том, что США постепенно отходят от активного участия в интервенции: так, в одной статье особо выделяется тот факт, что еще в марте Пентагон официально заявил о завершении боевой миссии и ограничении своей помощи европейским союзникам лишь «сбором разведанных и заправкой истребителей в воздухе». Как мы видим при сравнении позиции американской и английской прессы по этому вопросу, никакого диссонанса не наблюдается, что позволяет сделать вывод о совпадении предпочтений правительств США и Великобритании в освещении распределения ролей среди стран-участников интервенции.

ВВС очень ярко описывает все ужасы войны, в первую очередь делая акцент на неправомерных и жестоких действиях вооруженных сил Кадаффи по отношению к гражданскому населению. Достаточно упомянуть ряд статей о ситуации в городе Мисрате, в которых Каддафи обвиняется в выстраивании живых щитов из мирных граждан и артобстрелах жилых кварталов. Тем самым в глазах европейской общественности Кадаффи позиционируется как полностью утративший какую-либо легитимную основу власти тиран, уничтожающий собственный народ.

Примечательна приводимая позиция лидера повстанцев (генерала Абдул Фатах Юниса) с резкой оценкой, по его словам, бездействия сил НАТО и обвинениями их в медлительности и нерешительности. При этом подчеркивается, что силы Североатлантического альянса действуют строго в соответствии с резолюцией ООН, стараясь не допускать жертв среди мирного населения. Таким образом, британская пресса опровергает распространенную критику по отношению к НАТО касаясь превышения полномочий, данных ей ООН, утверждая, что предпринимаемых на тот момент действий было даже недостаточно, чтобы в полной мере осуществить гуманитарную миссию.

В Германии освещение интервенции также имеет некоторые особенности. По основным моментам их позиция совпадает с позицией официальных СМИ США: Каддафи изображается в нега-

тивном свете, а сама идея интервенции преподносится, как имеющая полное этическое и юридическое обоснование. С другой стороны, есть некоторые аспекты, отражающие специфику немецкой политики. Так, широко обсуждаемый в некоторых странах раскол ЕС (расхождения Франции и Германии по вопросам интервенции) изображается как некое не слишком значительное разногласие, которое не будет иметь большого значения в долгосрочных отношениях этих двух государств: в ряде статей говорится об активной поддержке Германией своих союзников, пусть и не путем военного вмешательства в Ливию (например, через увеличение немецкого военного контингента в Афганистане и участие в поставках гуманитарной помощи в Ливию).

С другой стороны, в немецкой прессе отражаются бурные политические дебаты по поводу позиции канцлера Ангелы Меркель и ее министра иностранных дел Гвидо Вестервелля: к примеру, оппозиция со стороны правых консерваторов обвиняет их в сознательном подрыве с трудом достигнутого единства в ЕС. Этот момент очень примечателен и в какой-то мере относится ко всем рассмотренным европейским изданиям: количество статей, посвященных вызванным интервенцией проблемам в блоках ЕС и НАТО, в которых соответственно Германия и Турция заняли противоположную их партнерам позицию, соотносимо, а в некоторых изданиях даже превосходит количество статей, посвященных непосредственно ходу интервенции, что демонстрирует значительность последствий принятого решения для международной ситуации. В общем, в близких к официальным кругам немецких СМИ интервенцию признают законной и обоснованной.

Наиболее бескомпромиссную оценку среди западных изданий мы обнаружили среди французских источников. Наиболее ярким примером являются газеты *Le Monde* и, в меньшей мере, *Le Figaro*. Причины этого вполне очевидны, поскольку Франция являлась фактическим инициатором вмешательства. Режим и действия Каддафи представляются в самом нелицеприятном свете, в то время как повстанцы изображаются истинными патриотами и защитниками свободы. Соответственно, решительные и быстрые действия президента Саркози подаются как единственно возможные и полностью соответствующие сложившейся ситуации, а начатая военная интервенция вновь оправдывается необходимостью защиты мирных граждан Ливии и предотвращения гуманитарной катастрофы.

Нельзя не отметить, что во французской прессе своеобразная «агитация» против Каддафи и, как следствие, в пользу интервенции носит наиболее активный характер: в качестве наиболее яркого примера можно привести открытое письмо французских политиков и деятелей культуры (в их число вошел и небезызвестный Андре Глюксманн, активно поддерживавший операции в Ираке и Югославии) с призывом к свержению Каддафи силами западных государств, написанное в очень эмоциональном стиле и опубликованное в *Le Monde* за два дня до принятия резолюции.

В то же время во французских изданиях присутствует наиболее резкая оценка принятого Германией решения о неучастии в проводимой операции по установлению бесполетной зоны – вплоть до резкой критики в адрес канцлера Ангелы Меркель и министра иностранных дел Гвидо Вестервелля, которая в отдельных случаях принимает оскорбительный характер. Символическим примером германо-французского антагонизма по этому вопросу может послужить интервью с одним из вдохновителей интервенции в Ливию, французом Бернардом-Анри Леви, в немецком издании *Der Spiegel*: невозможно не отметить обвинительные и весьма скептические формулировки вопросов, в которых открыто оспаривается «человеколюбивое» обоснование интервенции, в то время как в интервью, опубликованном в *Le Monde*, его позиция встретила куда большее понимание (Леви, к слову, является членом наблюдательного совета этой газеты).

Однако и на страницах официальных французских изданий можно найти альтернативные официальной точки зрения: в той же *Le Monde* в одной из статей отмечается «избирательное» внимание западных государств к случаям массового нарушения прав человека в арабских странах. В качестве примера приводятся события в Бахрейне и Йемене, на которые западные государства практически не отреагировали.

Таким образом, как следует из вышеизложенного, на освещение событий в Ливии СМИ разных стран непосредственно влияет их официальная позиция по этому вопросу. Речь, естественно, идет о крупных и занимающих проправительственную позицию источниках. В то же время в каждой стране имеются альтернативные источники, которые приводят принципиально другие точки зрения по этому вопросу. Например, во Франции одна из оппозиционных газет *Agora Vox* в своих статьях жестко критикует действия собственного правительства, мотивируя ошибочность принятого решения об интервенции широким спектром причин –

от наносимого ударами коалиции вреда жителям Ливии до высоких расходов Франции на эту операцию, в то время как у нее имеются многочисленные нерешенные внутренние проблемы.

В оппозиционных изданиях других стран эти действия также критикуются, но с несколько другими акцентами. Так, в США основным доводом умеренных противников интервенции являлось то, что операция в Ливии на настоящий момент будет уже третьей, после Ирака и Афганистана, долгосрочной военной акцией против мусульманского мира, что очень негативно отразится на ее репутации в странах Востока, не говоря уже о связанных с нею тратах.

Примечательно, что вследствие идеологизированности данной проблемы как сторонниками, так и противниками интервенции для создания определенных образов тех или иных действующих лиц и организаций широко используются шаблоны и клише. Так, в *New York Times*, *Le Monde* и некоторых других газетах Муаммара Каддафи часто сравнивали с Саддамом Хусейном, что не могло не повлиять на образ лидера Джамахирии в западном обществе. Издания же, занимающие противоположную позицию, используют сравнение операции в Ливии с колониалистическими захватами и крестовыми походами, что, с учетом по большей части негативной окраски данных событий в глазах мировой общественности, также создает определенную эмоциональную окраску интервентов.

Необходимо отметить, что, с учетом недостаточности информации о реальной подоплеке событий в Ливии и остроты проблемы, СМИ с целью обоснования правоты одной из сторон конфликта в основном оперируют категориями этики, выделяя какие-то отдельные события или факты, негативно характеризующие одну сторону или, что несколько реже, обеляющие другую. В качестве примеров можно привести, с одной стороны, статьи в официальных западных изданиях, в которых восстание характеризуют как демократическую революцию, а Каддафи – как уничтожающего собственный народ тирана (в основном это интервью с ливийскими оппозиционерами, статьи о подавленных митингах, бедственном положении осажденного правительственной армией города Бенгази, коррумпированности ливийского государственного аппарата и некоторых заявлениях Каддафи, а также отдельные фразы с угрозами с его стороны, которые многократно встречаются практически во всех подобных источниках). В большинстве изданий были опубликованы статьи с исторической справкой о приходе Каддафи к власти насильственным

путем, о его террористической деятельности и острой конфронтации с западными странами в 80–90-х годах прошлого века.

С другой стороны, в оппозиционных изданиях западных государств и в изданиях тех стран, чье руководство заняло отличную от западной позицию в отношении интервенции (во всех рассмотренных российских газетах, в китайской Renmin Ribao, французской Agora Vox, американской Black Star News), был опубликован ряд статей о жертвах бомбардировок НАТО среди мирного населения, о мотивации интервенции (много говорится о заинтересованности стран-интервентов в увеличении нефтяных поставок из Ливии – в одной из статей говорится, что еще до начала интервенции эмиссары оппозиционеров обещали в обмен на помощь поставлять нефть), о нарушении принятым решением суверенитета Ливии, о происхождении начавшегося конфликта (одни издания относят к его причинам межплеменные противоречия в Триполитании и Киренаике, другие характеризуют повстанцев как исламистов-радикалов, желающих дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке) и т. д.

Очевидно, что при текущем положении дел в Ливии получение какой-либо достоверной информации практически невозможно, что дает широкий простор для манипулирования информацией как обеим сторонам конфликта, так и прессе всего мира. На данный момент очень трудно составить объективную картину происходящих в Ливии событий. Первоначальные стороны конфликта – Муаммар Каддафи и повстанцы – предоставляли полностью противоречащие друг другу сведения почти обо всем – от количества жертв среди гражданского населения до хода боевых действий.

Соответственно, противоречия возникают и в мировой прессе: если в западных источниках акты насилия со стороны правящего режима подаются как неоспоримый факт, то в остальном мире многие выражают сомнения по этому поводу. В качестве примера можно привести заявления многих общественных деятелей и журналистов (в России стоит особенно выделить политолога Льва Вершинина и публициста Михаила Делягина), которые утверждают, что практически вся информация о вышеупомянутых зверствах не более чем сознательный обман с целью информационного прикрытия вторжения западных государств в Ливию. Также в качестве примера альтернативной точки зрения стоит выделить открытое письмо русских врачей в Ливии президенту РФ Д. А. Медведеву, которое представляет особую цен-

ность, поскольку является информацией из первых рук; в то же время нельзя исключать возможность того, что они могли быть введены в заблуждение.

Таким образом, мы можем увидеть, что в такой кризисной ситуации при наличии у сторон противоположных интересов СМИ выступают как средство обоснования правомерности своей позиции и, в конечном счете, обеспечения поддержки со стороны общественности.

КАЛАШНИКОВА В. Б.

Иркутский государственный университет

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ИНТЕРНЕТА В ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Сегодня очень сложно найти человека, не имеющего аккаунт в какой-либо социальной сети. Доверив интернет-ресурсам личную информацию, мы добровольно перевели свои социальные отношения в виртуальный мир, тем самым превратив интернет-сообщества в своеобразные кухни для бытового обсуждения всевозможных проблем и вопросов. Это своего рода новый Гайд-парк, доступный всем желающим, трибуна, с которой можно говорить обо всем. В подобных условиях Интернет не мог не стать политизированным. И сегодня Интернет, социальные сети и блоги становятся новым политическим фактором, новым быстрым средством доставки для большего числа людей по всему миру необходимого политического пиара.

События конца 2010 – начала 2011 гг. в Египте и Тунисе показали, насколько значимым в современной политике может оказаться интернет-сообщество.

Антиправительственные действия в этих североафриканских государствах с легкой руки журналистов получили название Facebook, или twitter-революции. Сам термин не нов: профессор Стэндфордского университета Евгений Морозов впервые употребил его в связи с событиями в Молдове в апреле 2009 г. Успешные свержения правящих режимов в этих странах породили дискуссию об истинной роли социальной сети в организации подобных мероприятий и революции нового типа.

СМИ утверждали, что массовые волнения, начавшиеся в Тунисе 24 декабря 2010 г. и в Египте 25 января 2011 г., были организованы посредством активной пропаганды на соответствующих